

ЛИНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ «ФРОНТИР» РОССИИ**

Кавказ можно уподобить сильной крепости, чрезвычайно твердой по местоположению, искусно огражденной укреплениями, обороняемой многочисленным гарнизоном». Эти часто цитируемые слова из воспоминаний генерала А.А.Вельяминова, в которых он призывал к применению крупной военной силы для подавления народов Северного Кавказа, были написаны еще в 1828 году. Чтобы завоевать эту крепость, мудрый полководец «заложит параллели, станет подвигаться вперед сапою, призовет на помощь мины и овладеет местностью». Важнейшая стратегия покорения для Вельяминова состояла в перемещении укрепленной линии все дальше и дальше в направлении гор и в использовании ее в качестве базы для проведения атак¹.

«Линия», как часто ее просто называли, была заложена в середине XVIII века и представляла собой защитную полосу крепостей, казачьих станиц и дозорных башен. Существовали даже скрытые казачьи военные посты, где казаки скрывались по ночам; заслышав приближение воинственных горцев, они посылали сигнал ближайшей башне или казачьей станице. Тогда звонили в колокола, стреляли из ружей, поджигали дрова, перевязанные просмоленной паклей, давая сигнал дымом, и казаки с другими подразделениями устремлялись к бреши в линии.

Кавказская военная линия против горных «крепостей» – именно эти образы, эти линии разделения обычно оживали под пером западных и досоветских специалистов, изучавших историю Северного Кавказа и проникновения туда русских; линии, которые также включали в себя российские берега Терека и Кубани, и фронт сражений с Персией и Османской империей. Как гласит история, Рос-

---

* © Барретт Томас М., 2000

** Первоначальный вариант данной статьи был представлен на конференции, организованной Советом Социальных Научных Исследований / Social Science Research Council, «Представления, институты и опыт имперской России» / «Visions, Institutions, and Experiences of Imperial Russia», Центр Вудро Вильсона / Woodrow Wilson Center, Washington, D.C., September 1993.

¹ Климан Ф., фон. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Вып. 15. 1894. – С.524.

сийское государство начало продвижение на юг с завоевания Казани и Астрахани в XVI веке; вскоре после этого были воздвигнуты первые укрепления на Северном Кавказе. Крупномасштабные военные действия начались во время Персидской кампании Петра I (1722 г.), за которой последовал ряд войн с Персией и Османской империей на кавказских землях на протяжении XVIII и XIX веков. Военная линия поползла в южном направлении к северу Кавказа, начиная с Кизлярско-Моздокской линии (1769 г.), и – крепость за крепостью – российские силы продвигались дальше в горы. После завершения Кавказской военной линии в 1832 году на западе была воздвигнута Черноморская береговая линия, отрезавшая народы Кавказа от Черного моря и Турции. Местные народы, оказывая сопротивление российскому вторжению, вели партизанские действия и поднимали крупные восстания, кульминацией которых стала священная война под руководством Шамиля (1834-1859 гг.). Когда черкесское восстание было в конце концов подавлено в 1864 году, завоевание Северного Кавказа завершилось, и этот регион стал мирной колонией Российской Империи.

Западная историография покорения этого региона, начало которой положила работа Джона Бэддели «Покорение Кавказа Россией» (1908 г.), активно развивалась в нашем столетии. Недавно опубликованные сборник статей «Северокавказский барьер» и работа Моше Гаммера «Мусульманское сопротивление царю: Шамиль и покорение Чечни и Дагестана» представляют собой первые значительные попытки описать сопротивление горцев продвижению России. Тем не менее история взаимоотношений между Россией и Северным Кавказом до сих пор описывается как военная: историки по-прежнему изображают разделительные линии совершенно непроницаемыми, поменяв лишь угол зрения: в центре их внимания сейчас не российский натиск, а сопротивление «кавказского барьера»².

² John F. Baddeley, *The Russian Conquest of the Caucasus* (London: Longmans, Green and Co., 1908); Marie Bennigsen Broxup, ed., *The North Caucasus Barrier* (New York: St. Martin's Press, 1992); Moshe Gammer, *Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan* (Portland: Frank Cass, 1994). См. также W.E. D. Allen and Paul Muratoff, *Caucasian Battlefields* (New York: Cambridge University Press, 1953). О видении Кавказа в русской литературе и русском обществе см. следующие работы, темой которых скорее является центр, чем периферия: Uwe Halbach, «Die Bergvölker (горцы) als Gegner und Opfer: Der Kaukasus in der Wahrnehmung Russlands», *Kleine Völker in der Geschichte Osteuropas*, eds., Manfred Alexander, Frank Kampfler and Andreas Kappeler (Stuttgart: Franz Steiner, 1991), P. 52-65; Thomas M. Barrett, «The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity», *Russian Review* 53 (July 1994), P. 353-366; Susan Layton, «The Creation of an Imaginative Caucasian Geography», *Slavic Review* 45 (Fall 1986), P. 470-485.

Я попытаюсь доказать, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования «фронта» – приграничной, порубежной зоны, – включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых. И так же, как и в любой другой зоне «фронта», границы оказывались зыбкими: русские и украинцы, горские народы, армяне и грузины постоянно меняли своих союзников³. Чтобы понять, что стояло за присоединением Северного Кавказа к России, нам следует заглянуть за военные линии и посмотреть на передвижения народов, на их поселения и сообщества, изменения ландшафта, взаимоотношения соседей, причем не только во время военных действий, но и в повседневной жизни.

Дореволюционная российская историография уделяла основное внимание военному покорению данного региона и при обсуждении вопросов управления, политики переселения и практики использования местного населения во благо российской экспансии⁴. Советские историки изучали историю народов Северного Кавказа исключительно от истории России в целом, стараясь охватить при этом как можно больше этнических групп данного региона. Здесь могли наблюдаться различные тенденции: либо преуменьшать разрушительные последствия русских военных операций; либо представлять русскую армию как защитников, давших отпор настоящим врагам Кавказа (т.е. Персии, Османской империи, Крымскому ханству); либо изображать завоевание как часть угнетательской, но в конечном итоге прогрессивной царской «колониальной политики», которая привела Кавказ в соответствие с генеральной линией историче-

³ Я использую слово «горцы» в том же значении, что и русские того времени – для обозначения населения, живущего в горах и у подножий гор Северного Кавказа. Этот термин охватывал поразительное множество этносов – от адыгов на западе до бесчисленных народов Дагестана на востоке. При каждой возможности я буду прибегать к наиболее точному определению этнической принадлежности. Безусловно, народы Северного Кавказа были также степными кочевниками – например, ногайцы. Далее, многие украинцы на Северном Кавказе классифицировались как русские; я вынужден прибегать к слову «русский» для обозначения преимущественно русских и украинцев.

⁴ Ведущим военным историком, занимавшимся отношениями России с Кавказом, по-видимому, был В.А. Потто. См.: Потто В.А. *Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях* В 5 т. Спб., 1885-1891; *Утверждение русского владычества на Кавказе* В 3 т. Тифлис, 1901-1904.

ского прогресса⁵. В советских исследованиях, посвященных миграции и этническому смешению на Северном Кавказе, развитию региональной экономики, городов и казачества, зачастую звучали широкие заявления о близости и взаимовлиянии русских и горцев, однако там вовсе не исследовалась жизнь пограничья со всеми ее сложностями, напряженностью и насилием. Выбирались только отдельные факты и детали, неизбежно свидетельствовавшие о «сближении» и «дружбе народов»⁶.

Но если советские историки стремились рассматривать пограничные районы России как сферы «сближения», то западные историки рассматривали их либо как колонии, либо как обычные границы, либо не рассматривали вовсе. Немногочисленные попытки представить историю России как историю постоянного расширения ее «фронта» основывались на излишне метаисторическом, тернеровском подходе, где большее внимание уделялось духу государственности, чем жизни «на окраине» государства, а обобщения опирались на незначительный объем исследовательской работы. Всю российскую историю рассматривали на Западе как историю «фронта» – начиная с Киева и заканчивая Сибирью (с небольшими различиями между историческими периодами российской миграции), но всегда опуская Кавказ (равно как и Нижнее и Среднее Поволжье). Или же российский «фронт» просто сопоставлялся с американским: Казань становилась Сент-Луисом, покорение Новгорода сравнивалось с приобретением Огайо, а присоединение Ук-

Например, История Северо-Осетинской АССР / Под ред. С.К.Бушуева. М., 1959; История Дагестана: В 5 т. / Под ред. Г.Д.Даниялова. М., 1967-1969; История Кабардино-Балкарской АССР с древних времен до наших дней: В 2 т. / Под ред. Т.Х.Кумыкова. М., 1967; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XVII вв. М., 1958; Киняпина Н.С., Бидев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII-80-е годы XIX в. М., 1984.

Лучшими обобщающими трудами по данной теме советского периода являются: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Б.Пиотровского. М., 1988 и История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.) / Под ред. Н.Л.Нарочницкого. М., 1988. Две библиографии: Мянсаров М.М. *Bibliographia Caucasia et Transcaucasica*. Спб., 1874-1876; Moshe Ganner, «Shamil and the Murid Movement, 1830-1859: An Attempt at a Comprehensive Bibliography», *Central Asian Survey* 10, № 1/2 (1991). P. 189-247.

раины рассматривалось как российская «покупка Луизианы»⁷. Некоторые ученые более осторожны в своих подходах; но, тем не менее, от Казани они сразу переходят к Сибири, игнорируя тот факт, что колонизация сначала двигалась по направлению на юг, а уже после этого на восток, и что Нижняя Волга до конца XVIII столетия была столь же нерусской, сколь и Сибирь⁸. Подобно этому главные работы о миграции, колонизации и жизни «фронта» больше внимания уделяют Сибири или степным границам и заселению Украины и Крыма. Обычно забывается тот факт, что эти миграции являлись частью более крупного и многогранного процесса (и что степь тянется до подножия Кавказских гор)⁹.

⁷ Joseph L. Wieczynski, *The Russian Frontier* (Charlottesville: University Press of Virginia, 1976); George V. Lantzeff and Richard A. Pierce, *Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier to 1750* (Montreal: McGill-Queen's University Press, 1973); Roger Dow, «Prostor: A Geopolitical Study of Russia and the United States», *Russian Review* 1, N. 1 (November 1941). P. 7-8. Даже в недавней работе Дениса Шоу используется тернеровское понятие «фронта». См. Judith Pallot and Denis J. P. Shaw, *Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613-1917* (Oxford: Clarendon Press, 1990). P. 13-32.

⁸ Donald W. Treadgold, «The Russian Expansion in the Light of Turner's Study of the American Frontier», *Agricultural History* 26, № 4 (October 1952). P. 147-152; A. Lobanov-Rostovsky, «Russian Expansion in the Far East in the Light of the Turner Hypothesis», *The Frontier in Perspective*, eds. Walker D. Wyman and Clifton B. Kröber (Madison: University of Wisconsin Press, 1957). P. 79-94. Интенсивный процесс заселения района нижнего Поволжья не начинался вплоть до 1780-х годов. См. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав М., 1990. - С.90.

⁹ Donald W. Treadgold, *The Great Siberian Migration* (Princeton: Princeton University Press, 1957); Raymond Fisher, *The Russian Fur Trade, 1550-1700* (Berkeley: University of California Press, 1943); Terrence E. Armstrong, *Russian Settlement in the North* (New York: Cambridge University Press, 1965); William H. McNeill, *Europe's Steppe Frontier, 1500-1800* (Chicago: University of Chicago Press, 1964); Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1780 гг. М., 1959; N.D. Polons'ka-Vasylenko, «The Settlement of the Southern Ukraine (1750-1775)», *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S.* 4-5 (Summer-Fall, 1953); Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI-XVII столетии: В 2 т. Харьков, 1890. Одной из редких работ по не-сибирской границе является Michael Khodarkovsky, *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771* (Ithaca: Cornell University Press, 1992). Будучи наиболее заинтересованным в калмыцком обществе и его взаимоотношениях с Российским государством, Ходарковский дает краткий обзор (с.308-335) российской колонизации вдоль Волги и столкновений с калмыками как ее следствия. Двумя другими исключениями являются Boris Nolde, *La Formation de l'Empire russe*, 2 vols. (Paris: Institut d'Etudes slaves, 1952-1953) и Andreas Kappeler, *Russlands erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19 Jahrhundert* (Köln: Böhlau, 1982).

Недавно были проведены крайне важные исследования по нерусской окраине расширяющегося «фронтара», и частично благодаря им историки России больше уже не заигрывают с концепцией Тернера о «фронтире» как двигателе прогресса.¹⁰ Однако они также изображают превращение Украины, Крыма, Поволжья и Сибири в регионы России скорее как политический, а не социальный процесс. Границы наших представлений охватывают лишь историю самого покорения (военных действий и управления), в то время как «конструктивные» аспекты российской колонизации (рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры) еще предстоит исследовать. Иногда же социальная история уделяет внимание исключительно «потерпевшим» – проводившимся по отношению к ним репрессиям, их сопротивлению, вымиранию и эмиграции.

Подход к истории пограничья, необходимый для изучения Северного Кавказа (впрочем, как и для других российских рубежей), можно почерпнуть из историографии американского «фронтара» за последние двадцать лет. Теперь наконец отвергнут тернеровский тип пограничной истории вместе с его белыми поселениями, двигавшимися на запад к «свободным» землям и вдохновенно создававшими на ходу американский индивидуализм и демократию. Вместо этого историки пишут о более сложном процессе, в который были вовлечены люди с разным цветом кожи и разных национальностей, где переплелись воздействие на окружающую среду, культурное смещение, социальная стратификация и грандиозное мифотворчество¹¹. В американской историографии «фронтара» имеются три направления, которые представляются особенно перспективными для русских историков; они обычно подпадают под следующие три рубрики: история окружающей среды, социальная история и этническая история. Данная работа ставит своей целью не углубленное изучение какой-либо одной из этих тем, а доказательство продуктивности использования концепции «фронтара» применительно к одному из приграничных регионов России; целью ее было

¹⁰ Alan Fisher, *The Crimean Tatars* (Stanford: Hoover Institution Press, 1978); Azade-Ayse Rorlich, *The Volga Tatars* (Stanford: Hoover Institution Press, 1986); Zenon H. Kohut, *Russian Centralization and Ukrainian Autonomy* (Cambridge: Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute, 1988); James Forsyth, *A History the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581-1990* (New York: Cambridge University Press, 1992).

¹¹ Относительно последних работ американских исследователей границ см. William Cronon, George Miles and Jay Gitlin, eds., *Under an Open Sky: Rethinking America's Western Past* (New York: W.W.Norton, 1992); Patricia Nelson Limerick, Clyde A. Milner II and Charles E. Rankin, eds., *Trails: Towards a New Western History* (Lawrence: University of Kansas Press, 1991).

также обрисовать в общих чертах, на какие темы могло бы нас вывести такое историческое исследование.

Воздействие на окружающую среду и «перемещение видов»

Экономическое завоевание американского Запада заключалось не только в штурмовом натиске на природу, разрушительном и созидательном, но также в перемещении чужеродных организмов (зерновых, трав, животных, микроорганизмов) в новые экосистемы. Существовавшее прежде отношение туземцев к земле было вытеснено европейским подходом к земле как к товару. Экстенсивные методы культивации, ориентированные на более энергичное использование ресурсов, взяли верх над более компактными, более экологически целесообразными методами. Как писали Вильям Кроунон, Джордж Майлз и Джей Гитлин, «известное “пограничное” напряженное состояние между воспроизведением старого и усвоением нового воплотилось в ландшафте новых поселений, которые все более и более напоминали европейские и в новых политико-экономических условиях все лучше адаптировались к экосистемам Нового Света»¹².

История окружающей среды особенно важна для понимания своеобразия зоны «фронтара», где переселенцы пытались построить новое сообщество в незнакомой экологической обстановке. То, каким образом переселенцы преобразуют ландшафт и каким образом ландшафт преобразует их самих, является неотъемлемой частью их борьбы и их возможностей¹³. История окружающей среды Северного Кавказа особенно сложна; в мире насчитывается лишь несколько регионов с такой контрастной и разнообразной природой: бесчисленные микроклиматические зоны вершин и подножий гор, смена циклов наводнений и засух в долинах, контрастные сочетания гор со степью – почти что пустыней вдоль Каспийского моря – и болотистыми низинами Терека. Здесь рядом с быком можно увидеть верблюда, а рядом с горным козлом – буйвола.

В такой разнообразной и жестокой среде колонисты, по контрасту с американским опытом, были скорее не разносчиками болезней, а их жертвами. Одна из причин, по которой присоединение Черноморского побережья Кавказа было чревато бедствиями, со-

¹² Cronon, Miles and Gitlin, *Under an Open Sky*. P. 12. Авторы этой статьи используют термин «перемещение особей».

¹³ Не случайно многие классики истории окружающей среды писали о зонах фронтара. См. Carl Ortwin Sauer, *The Early Spanish Main* (Berkeley: University of California Press, 1966); Alfred W. Crosby, *The Columbian Exchange* (Westport: Greenwood, 1972); William Cronon, *Changes in the Land* (New York: Hill and Wang, 1983).

стояла в том, что эта местность медленно и тяжело покорялась и плугу, и иммунной системе русских. Особенности расселения русских на новых землях были полностью противоположны традиционным местным, экологически грамотным схемам; именно поэтому среди русских имели место столь многочисленные случаи со смертельным исходом. Черкесы селились в предгорьях и горах, избегая малярийной болотистой местности вдоль морского побережья и частых туманов, пагубных для садовых культур; напротив, русские начинали селиться на прибрежной полосе и у низинных рек. Продукты сюда необходимо было доставлять через Черное море или добывать путем торговли с черкесами. И в крепостях вдоль Черного моря, и в Кубанском районе, населенном черноморскими казаками, смертность была огромной, так как большое число переселенцев и солдат умирало от чумы, малярии, тифа, цинги и холеры. Г.И. Филиппсон, офицер, служивший на Черном море в 40-х годах XIX столетия, сравнивал Сухуми с «каменной могилой», где ежегодно от различных болезней умирало 16% населения, принадлежавшего к низшим классам (что сокращало среднюю продолжительность жизни там на шесть лет). Таким же был средний уровень смертности при каждой крупной волне переселения на Кубань, за исключением переселения 2000 семей в 1848 году, когда погибло 36% мужского состава, в основном от холеры. По иронии судьбы, курорты с минеральными источниками стали функционировать именно из-за высокой заболеваемости в регионе: до того, как Пятигорск стал любимым курортом Пушкина, он был Константиногорской крепостью, куда в 1780 году направлялись больные солдаты и казаки для купания в горячих источниках под калмыцкими шатрами¹⁴.

В богатых степях Северного Кавказа русские достигли более значительных успехов в организации сельского хозяйства, создании поселений и в установлении политического контроля. Однако этот процесс занял больше столетия: еще в 1833 году голод в Ставропольской губернии вынудил правительство выдать ссуду государственным крестьянам в размере трех миллионов рублей для закупки зерна и разрешить около 40 000 крестьян вернуться во внутренние

области России для временного проживания¹⁵. Российский контроль был окончательно установлен при помощи экономической политики, разительно отличавшейся от таковой в коренных губерниях и опиравшейся на казачество, государственных крестьян, местное население (но не на крепостных) и на гораздо более разнообразное хозяйство.

Планы колонизации степи появились еще в 1764 году, и в последующие десятилетия здесь были осуществлены первые крупные земельные пожалования. Однако большинство землевладельцев продавали или забрасывали свои владения, а те из них, кто все-таки поселился на этих землях, не начинали сразу активно возделывать землю, а использовали ее практически исключительно под пастбища для скота. Так, колоссальную неудачу пережил князь А.А. Вяземский. В 1783-1786 годах этот фаворит Екатерины II получил более 70 десятин кавказской степи, основал поселение Черный Рынок – центр своих владений – и переселил на новые земли 1000 своих крепостных из центральных губерний. Но его попытки крупномасштабного выращивания пшеницы, так же как и обучения крестьян морскому рыболовству и виноградарству, были безуспешны. Вскоре он продал свое поместье другому аристократу, который, в свою очередь, три года спустя разделил его и продал большую часть. К началу XIX века Черный Рынок представлял собой нищую деревушку в 50 домов¹⁶.

Советские историки указывают, что основной причиной несостоятельности помещичьего хозяйства был недостаток капитала; тем не менее экологический фактор также играл здесь важную роль. Переселенные крестьяне с трудом привыкали к новому климату, новым болезням и новому сельскохозяйственному календарю; многие заболели и умирали. Селение Покойное, основанное крестьянами из южных губерний в 1766 году на реке Кума, было так названо, по словам одного из ее жителей, потому, что многие умерли здесь от болотной лихорадки.¹⁷ Ногайские татары называли это селение «плохим местом».

Что же происходило при соприкосновении местной и русской культуры сельского хозяйства? Русские чиновники были склонны считать сельское хозяйство в горной местности и у горных подножий примитивным; но легкий плуг, ступенчатые склоны, ирригационные системы, сложная система унавоживания и отобранные с уче-

¹⁴ Ю. Т. Pyshnova, «Historical-Geographic Aspects of the Development and Settlement of the Black Sea Coast of the Caucasus», Soviet Geography 15, №3 (March 1974). P. 156-163; Г.И. Филиппсон. Воспоминания // Русский архив. (1884). №1. С. 204; 211; Бентковский И. В. Заселение Черноморья с 1792 по 1825 год. Екатеринодар, 1880. – С.48, 69, 121; Богославский В. С. Пятигорские и с ними смежные минеральные воды. Спб., 1883. – С.7-8; Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. – С.67. Аналогичным образом реальной причиной массовой гибели людей в первых крепостях Северного Кавказа были свирепствовавшие там болезни, а не набеги горцев.

¹⁵ Дон и степное Предкавказье XVIII-первая половина XIX в. / Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов-н/Д., 1977. – С.60, 116.

¹⁶ Фадеев А. В. Россия и Кавказ... – С.35-41.

¹⁷ Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. – С.408.

том региональных особенностей зерновые культуры – все эти элементы складывались в интенсивное хозяйство, отвечающее особенностям данной окружающей среды и во многих отношениях превосходившее российский экстенсивный метод пахоты. Особенно интенсивным было сельское хозяйство в Дагестане, где существовала обширная ирригационная система и применялись различные удобрения, такие, как навоз, зола, ил, солома, перемешанная с торфом и сухим навозом (или даже с птичьим пометом). Советские историки утверждают, что национальные технические приемы и местные зерновые культуры оказали большое влияние на русских и что русские технические приемы и зерновые культуры распространились среди горцев. Но наиболее значительная волна влияния, по крайней мере до середины XIX века, скорее всего, шла с юга. Кизляр никогда не превратился бы в большое и процветающее поселение без персидского риса и проса, дербентской пшеницы и, самое главное, без виноградных лоз и ирригационных каналов, являвшихся отличительной чертой данной местности. Даже в северокавказской степи, где доминировал экстенсивный метод в сельском хозяйстве, хуторяне выращивали кубанскую пшеницу.¹⁸

Насколько был велик экологический урон, нанесенный русскими войсками при подавлении сопротивления горцев? Рубка леса, описанная Толстым в его знаменитом рассказе, имела целью не только уничтожить естественное убежище воинственных кавказских народностей, но и лишить их и их соседей редкого строительного и отопительного материала. Бэддели указывает на предписание Шамиля ограничить рубку леса на чеченских землях как на попытку защититься от русского топора. Но валили лес не одни русские. Дерево и древесный материал (как лесозаготовки для строительства и бондарного дела, для воловьих повозок и колес, для подпорок лозы и обручей) составляли основной предмет торговли чеченцев и кабардинцев с русскими поселенцами. До 1840 года чеченцы, проживающие вблизи Кавказской военной линии, ежегодно сплавляли от 500 до 800 плотов леса и дров по Сунже и Тереку в Кизляр и привозили от 5000 до 6000 воловьих телег, груженых виноградными подпора-

ми. Потребность русских в дереве была настолько велика, а доступная лесная полоса между горами и степью была настолько узкой, что местное население было вынуждено прибегать в некоторых районах к излишней рубке¹⁹.

Рубка леса, конечно же, воздействовала и на русских. Географ Д.Л.Иванов в 1886 году писал о значительной эрозии почв в Ставропольской губернии как о последствии переселения русских и вырубки лесов. Такие поселения, как Дубовка и Берестовок, сами названия которых говорят о лесистом характере местности, лишились своих лесов; многие районы, когда-то богатые лесом, кустарником и животным миром, быстро превратились в голые склоны, лощины, ущелья и покрылись сорняками. Основанное в 1790 году село Круглолесное, как свидетельствует его название, было окружено густым лесом. К концу XIX века сохранились только жалкие остатки леса на западной стороне села, и оно было уже известно просто как Круглое. Достаточно типична и история села Чернолесское, основанного русскими переселенцами в 1799 году: «Село названо «Чернолесским», вероятно, потому, что здесь, как говорят старожилы, при основании села произрастал на всем протяжении р. Томузловки большой строевой лес, состоявший исключительно из лиственных пород. В лесу в изобилии водились дикие свиньи и козы; попадались даже олени и медведи, забегавшие сюда из лесов Кавказских гор. В настоящее время от этого леса не осталось и следов»²⁰.

Было бы ошибкой недооценивать важность этого природного изобилия для обустроивавшихся российских поселений, которым часто давали названия в честь тех или иных природных богатств (Обильное, Благодатное, Медведское, Ореховское, Грушевское). Последствия злоупотребления этими природными богатствами также еще предстоит изучить.

Еще более значимыми, чем рубка леса, для подавления сопротивления горцев и переустройства местного хозяйства были запреты или ограничения доступа к зимним пастбищам и соленым равнинным озерам. Выпас скота зачастую носил здесь экстенсивный характер, когда различные племена должны были объединять свои средства и рабочую силу, а пастухи, отгоняя скот на зимние пастбища, покрывали расстояния до 400 километров. Кроме того, возможности горного хозяйства были ограничены таким обстоятельством,

¹⁹ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962. - С.93-96; Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. - С.89; Baddeley, The Russian Conquest, XXXVI.

²⁰ Иванов Д.Л. Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края // Известия Императорского русского географического общества. Год 22 (1886). № 3. - С.225-254; Твалчредидзе А. Ставропольская губерния. - С.62, 204.

¹⁸ Пиотровский Б.Б. История народов Северного Кавказа... - С.378-379; Калоев Б.А. Земледелие у горских народов Северного Кавказа // Советская этнография. 1973. № 3. - С.46. О торговле пшеницей в Кизляре см. Грищенко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. - Ростов-н/Д., 1957. Т.2. - С.215-18; Фадеев, Россия и Кавказ... - С.63-65; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.4. Тифлис, 1870. - С.37 [здесь и далее АКАК]. О кубанской пшенице см. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии 1910. № 2. 4 паг. - С.58-60; Взгляд на Кавказскую Линию // Северный архив. 1822. № 2. - С.181.

как легко уязвимая окружающая среда, одной из особенностей которой была нехватка полезной земли. Но вести сельское хозяйство было жизненно необходимо практически для всех местных народов, хотя бы для обеспечения скота и лошадей кормом. Такое хозяйство легко могли разрушить войска оккупантов, хотя русские крепости и переселенцы также зависели от него до того момента, когда плуг покорила степь.

Пограничный обмен

Этот термин происходит из работы Дэниела Х.Юснера (младшего) «Индейцы, переселенцы и рабы в экономике пограничного обмена: Долина нижней Миссисипи до 1783 г.». Под ним автор подразумевает «сеть межкультурных взаимодействий, посредством которой туземное население и группы колонистов осуществляли обмен товарами и услугами», включая «мелкое производство, торговлю из рук в руки и прозаические черты обыденного существования»²¹. Подобные процессы могут показаться незначительными с точки зрения выгодно расположенных центральных регионов; но для проживающих в приграничной зоне они составляли основу региональной экономики и общей культуры. Пограничный обмен, несомненно, жизненно важен для поселенцев (да и для завоевателей) на любых границах и способствует структурированию туземно-колониальных взаимоотношений и зависимостей. Историки России и Северного Кавказа уделяли внимание тому, как пограничный обмен, говоря языком советской науки, способствовал «вовлечению Северного Кавказа во всероссийский рынок»²², а не тому, какое значение процессы обмена имели для самого регионального общества, его экономики и культуры.

Местная торговля на Северном Кавказе велась в крепостях, казачьих станицах, на торговых точках, а также в горах странствующими армянскими купцами. Эта торговля была достаточно развита во всем регионе и продолжала набирать силы, даже когда война за покорение Кавказа достигла своего пика – в 1840-1850-е годы. Горное население обменивало разнообразные товары, включая домашний скот, зерно, лес, оружие, овечьи шкуры, одежду, изделия из кожи и другие ремесленные изделия на соль, рыбу, икру, хлопчатобумажные

²¹ Daniel H. Usner, Jr., *Indians, Settlers, and Slaves in a Frontier Exchange Economy* (Chapel Hill: University of North Carolina Press for the Institute of Early American History and Culture, 1992). P. 6.

²² Так называется книга Т.Х.Кумыкова (см. п. 19), и этим же обычно ограничиваются многие советские историки при анализе Кавказа.

ткани, изделия из железа и свинца, а также другие промышленные товары. Захват и выкуп пленных также был частью местной торговли.

Для понимания особенностей российского опыта пребывания на Северном Кавказе следует проанализировать несколько аспектов пограничного обмена. Во-первых, в XIX веке русские попытались создать у местных народов зависимость от промышленных товаров и, чтобы привести их в повиновение, старались привить им вкус к «плодам цивилизации». Однако если пристальнее взглянуть на местную торговлю в XVIII и XIX веках, то вопрос о том, кто от кого зависел, окажется более сложным. Россия так и не смогла превратить Северный Кавказ в торговую колонию, в которой местное население поставляло бы в большом количестве сырье, например меха и хлопок, для обогащения русских купцов. Не менее важными для пограничного обмена были здесь и товары кустарного изготовления – одежда и оружие, седла и другие изделия из кожи, а также, как мы их сегодня называем, «полуфабрикаты» (сухофрукты) и специфические садовые плоды (орехи, марена, свежие фрукты), то есть товары, для производства которых требуется более высокий уровень мастерства, чем для получения сырья массового производства, например для русского зерна.

Линии зависимости могли совершенно перепутаться на этой дальней границе, где жизнь во многих отношениях была значительно более сложной и неоднозначной, чем в центральных районах страны. Любопытным фактом из истории российского завоевания Кавказа является то, что оружие для казаков ковали кузнецы и серебряных дел мастера с гор. Вооружение казаков – шашка, кинжал и, до середины XIX века, горный мушкет – производилось преимущественно в горных аулах и попадало к казакам путем торговли. Это обстоятельство подорвало развитие ремесел к северу от Кавказской военной линии: русские и казаки практически не занимались работами по металлу, предпочитая приобретать металлические изделия, изготовленные на севере или на юге. Местных умельцев, кузнецов и серебряных дел мастеров, охотно привлекали в русских крепостях и станицах; подавляющая часть ремесленников Кизляра и Моздока переселилась туда из-за Терека²³. И все русские крепости в XIX веке стремились расширить свою экономическую базу путем

²³ Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. - С. XIV-XXI; Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Т. 7-9. 1915. Разд. 10. - С. 1-5; Статистические известия о Кавказской области и земле войска Черноморского // Журнал Министерства внутренних дел. 1830. № 5. - С. 124-127.

привлечения туда армянских, грузинских, чеченских, кабардинских и других переселенцев, занимавшихся торговлей, сельским хозяйством, шелководством и различными ремеслами.

Другой аспект пограничного обмена, нуждающийся в дальнейшем изучении, – это попытка (по большей части неудачная) регулировать местную русскую торговлю, создавая карантинную линию торговых постов и солевых магазинов. На этой благодатной для подпольной экономики почве контрабандисты регулярно нарушали таможенную зону, и практика «черного рынка» порождала разветвленные конспиративные связи. Инспектор одного из торговых постов докладывал, что продажа соли, основного предмета торговли, практически остановилась в семи карантинных постах после того, как в 1820-е годы в глубине кабардинской территории были построены новые казачьи крепости: казаки просто привозили соль из других городов и в своих «некарантинных» поселениях продавали ее кабардинцам и другим. По словам современника событий, объем контрабандной торговли более чем вдвое превышал объем официальной торговли с горцами; он называет контрабанду обычной практикой²⁴. Рост нерегламентированной рыночной и базарной торговли, как и преобладание армянских купцов, владевших языками горцев и добравшихся до самых дальних аулов, делали русские торговые посты несостоятельными.

В-третьих, мы должны выяснить, каким образом запросы русского населения влияли на местную экономику. Торговля ремесленными изделиями и одеждой, такой, как бурки, черкески и папахи, вероятно, укрепила местную экономику, поскольку количество товаров, производимых на продажу, увеличилось со временем во много раз. Но специализация имела свои плюсы: начальник крепости Кизляр А.И.Ахвердов докладывал в 1804 году, что кумыки из деревни Эндери «довольно обогатели» на покупке пленных у горских народов и последующей выгодной перепродаже их населению Кизляра для работы в качестве подневольных батраков на виноградниках. Расположенная как ворота у подножия гор, деревня Эндери использовала свое выгодное положение для доходной торговли. Этот рассказ не только свидетельствует о том, что русская крепость «отуземилась» в достаточной степени, чтобы использовать рабов с гор для развития виноградарства, но и является примером того, как

²⁴ Кумыков Т.Х. Вовлечение... - С.34-35; Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Т.2. М., 1823. - С.142-145.

русское присутствие частично изменяло ориентацию местной экономики и обогащало тех, кто умел этим пользоваться²⁵.

Русские также соблюдали местные традиции захвата пленников. Несмотря на то, что работорговля искренне осуждалась русскими, была объявлена в 1804 году вне закона и в конце концов прекратилась, русским пришлось подчиниться горской практике взятия заложников и выкупа пленных (возможно, это было довольно значительным источником дохода для скудного хозяйства Северного Кавказа). Крепости не только держали местных заложников (аманатов) в качестве формальной гарантии безопасности от набегов горцев, с которыми заключались соответствующие соглашения; более того, Коллегия Иностранных Дел предписывала им захватывать новых заложников в случае, если один из прежних умер, а замена не предоставлялась. Рейды, организуемые для захвата заложников, освобождения пленных или похищения домашнего скота, временами превращались в грабительские набеги, мало отличающиеся от нападений горцев на русские поселения²⁶.

«Ничейная земля» и этнические границы

Отношение к американским индейцам в историографии американского «фронта» за последние полвека претерпело изменения, подобные сейсмическому сдвигу: сначала о них совсем не упоминали; затем они предстали в качестве жертв, подвергавшихся эксплуатации, уничтожению и ассимиляции. В последние несколько десятилетий практика этнической истории позволила воссоздать картину сопротивления индейцев европейскому натиску, подчеркивая глубину их конфликта с белыми и стремление сохранить островки традиционной индейской культуры. Джордж Майлз выражал сожаление о том, что, несмотря на расцвет исторических исследований, посвященных американским индейцам, эти новые исследования остаются «маргинальными», полупризнанными: «изображая индейскую культуру как полную антитезу культуре белых, практически невозможно отыскать подход, с помощью которого история индей-

²⁵ Нарочницкий Н.Л. История народов Северного Кавказа. - С.80; Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О.Косвена и Х.М.Хашаева. М., 1958. - С.213.

²⁶ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Т.1. Спб., 1869. - С.163; О набегах: см. Лысов В.П. Персидский поход Петра I. М., 1951. - С.98; Материалы для статистики Кизлярского казачьего войска // Военный сборник. 1869. № 12. - С.213; Соимонов Ф.И. Описание Каспийского моря. Спб., 1763. - С.102; Попко И. Терские казаки с стародавних времен. Спб., 1880. - С.253-254.

цев могла бы влиться в основное русло американской историографии»²⁷. Поскольку воссоздание истории нерусских народов Российской Империи требует еще огромной фундаментальной работы, изучение приграничных этносов и национальных меньшинств рискует аналогичным образом оказаться на периферии исторической науки. Качественная история «фронтира» была бы важна не только для воссоздания истории, например Карелии или Кавказа, но и для истории России в целом.

Важно рассматривать «фронтир» на ранних этапах освоения его русскими поселенцами в качестве не столько периферии новой России, сколько уникального явления, возникшего в результате культурного обмена и взаимодействия между всеми сторонами. Прежде чем российская государственность и русские поселенцы приобрели доминирующее положение, существовала необходимость приспособления и адаптации различных народов друг к другу. Ричард Уайт в своем исследовании «Ничейная земля: индейцы, империи и республики в регионе Великих Озер, 1650-1815 гг.» писал следующее: «В обычном широком употреблении термин “аккультурация” описывает процесс, в ходе которого одна группа становится более похожа на другую путем заимствования отдельных черт культуры. Аккультурация происходит в условиях, при которых доминирующая группа в большой степени способна диктовать нормы поведения подчиненной группе». Вместо такой модели он предлагает внимательнее исследовать «ничейную землю, промежуточное пространство между культурами, народами, а также между империями и внегосударственным сельским миром... Это пространство между историческим передним краем европейского вторжения и оккупации и задним планом поражения и отступления индейцев»²⁸. Аспекты ничейной земли, по Уайту, включают брачные связи, переговоры о случаях насилия, союзнические отношения, устанавливавшиеся с помощью ритуалов, и социальные связи, формировавшиеся путем торговли.

Подобное промежуточное пространство, несомненно, существовало между русскими и коренными народами Северного Кавказа в XVII, XVIII и начале XIX веков и порой было довольно обширным. Создавалось оно, прежде всего, за счет межнациональных браков, пограничного обмена и традиций горского гостеприимства. Ничей-

²⁷ George Miles, «To Hear an Old Voice: Rediscovering Native Americans in American History», Under an Open Sky. P. 55.

²⁸ Richard White, The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815 (New York: Cambridge University Press, 1991). P. X.

ная земля Северного Кавказа незаметно переходила в районы аккультурации, где отдельные индивиды пересекали этнические границы (часто путем побега, дезертирства или пленения), принимая местную культуру или же, наоборот, русифицируясь. Историография преимущественно концентрировала внимание на том, чем становилась ничейная земля в последствии – как она соотносилась с линиями военного противостояния и контурами формирования этнических типов²⁹; меня же более всего интересуют полосы неопределенности, способствовавшие образованию гибких этнических границ и широкого промежуточного пространства на Северном Кавказе; вопрос этот и будет рассматриваться в последней части настоящей статьи.

Одна из предпосылок существования ничейной земли – отсутствие «доминирующей группы... в большой степени способной диктовать нормы поведения» – была вполне явной на Северном Кавказе на протяжении всего XVIII столетия. Даже после 1864 года русские не только не могли диктовать стереотипы поведения на большей части данной территории, но и не являлись этнически доминирующей группой (за исключением нескольких анклавов). За крепости постоянно шла борьба: они покидались, переносились на другое место или восстанавливались заново. Например, первую русскую крепость, построенную в 1567 году в устье реки Сунжа, четыре раза переносили на новое место после нападений, а затем навсегда оставили в 1653 году, когда ее гарнизон был переведен в Терский городок. Последний затем несколько раз менял свое местоположение и был также оставлен в 1722 году с переводом гарнизона в Святой Крест, который, в свою очередь, был покинут в 1735 году, а крепость перенесена в Кизляр. Даже после установления Кизлярско-Азовской линии в 1778 году русское присутствие все же было нестабильным. Крепость Владикавказ была оставлена через два года после ее основания в 1784 году из-за восстания Мансура и заселена вновь лишь в 1803 году. Другой пример – изменчивая судьба Екатеринограда, первоначально основанного в 1777 году в среднем течении Терека у подножия гор. С соответствующей помпой Екатериноград в 1785 году был превращен из казачьей станицы в столицу Кавказского наместничества. Наместник П.Г.Потемкин (двоюродный брат знаменитого Г.А.Потемкина) перенес туда свою резиденцию, построил роскошный дворец и возвел массивную три-

²⁹ Те немногие историки, которые интересуются лицами, пересекавшими этническую границу, склонны употреблять термин «кооптация». Не учитывая причин сделанного этими лицами выбора, данный подход превращает тех, кто должен быть предметом истории, в объекты манипуляции. Например, можно ли считать Гоголя членом элиты, кооптированным из числа жителей украинского «фронтира»?

умфальную арку в классическом стиле с огромным карнизом, четьрьмя колоннами и надписью «Дорога в Грузию». Спустя два года столица наместничества была перенесена на северо-запад – в Георгиевск, затем в Астрахань (1802 год), а Екатериноград превратился в одинокую казачью станицу с триумфальной аркой в чистом поле³⁰. Официально объявленной причиной переноса была отдаленность Екатеринограда; пограничные набеги Мансура, несомненно, помогли ускорить принятие такого решения. Ставрополь – следующая крепость, которой предназначалось стать столицей Северного Кавказа, был более доступен по отношению к основной части России и более безопасно расположен в степи.

Изменчивость судьбы Екатеринограда с его заброшенной триумфальной аркой заслуживает столь же пристального внимания, как и агрессивная надменность названий ермоловских крепостей и лагерей 1818–1819 гг. – Грозная, Преградный, Злобный, Внезапная и Бурная. Слишком легко переоценить значение немногочисленных русских крепостей и поселений на Северном Кавказе или в других пограничных регионах, особенно тех, которые существовали в XVIII веке. Весь Кавказ и все побережье Каспия кишели шайками разбойников вплоть до конца столетия. Россия начала осуществлять последовательное военное наступление на Северном Кавказе только после 1817 года; тем не менее вплоть до 1860-х гг. «мирные» племена зачастую меняли стороны в конфликте по своему усмотрению, и передвижение оставалось опасным не только в горах, но и в предгорьях и даже в степи. В такой ситуации, как и в любой пограничной зоне, для обеспечения собственной безопасности приходилось больше надеяться на друзей и соседей, чем на слабую поддержку государства.

Военное преобладание русских в этом регионе вплоть до начала XIX века было столь же условным и шатким, сколь и демографическое; иными словами, это был далеко не чисто русский «фронтир». Только к концу XVIII века русские начали численно несколько преобладать в данном регионе, исключая еще непокоренные горы за Терекот и Кубанью. Кизляр и Моздок даже позднее оставались преимущественно нерусскими по населению; в 1869 году русских и украинцев было только 123 036 человек из 469 278 жителей области Терека³¹.

Русское заселение Северного Кавказа можно условно разделить на три стадии. В период с 1560-х гг. по 1721 год возникли вольные

казачьи станицы вдоль восточного Терека, и в том же регионе были возведены первые регулярные русские крепости; в 1721 году терское казачество было изъято из ведения Посольского приказа и передано в распоряжение Военной коллегии – казаки превратились в слуг государства. Только на второй стадии (1722–1775 гг.) российское правительство приступило к переселению значительного числа казаков и других служилых людей. Вдоль Терека было сооружено несколько новых крепостей, включая первое постоянное долговременное укрепление – крепость Кизляр. На третьей стадии (1776–1860 гг.) создание военной линии было завершено, и она продвинулась дальше в горы; вдоль линии были расселены казаки, при этом запорожское казачество было преобразовано в черноморское казачество и получило земельные пожалования на Кубани. Затем начались переселения и спонтанные миграции большого числа крестьян. Приток русских происходил одновременно с мощными этническими сдвигами среди местных народов, включая переселение значительной части армян и грузин; движение осетин с гор в предгорья и на равнины; миграцию ногайцев из предгорных степей за реку Кубань и в степи Приуралья, Прикаспия и Крыма; и, наконец, массовый исход за пределы России примерно 700 000 черкесов в 1850–1860-х гг.³²

Как только утвердилось постоянное российское присутствие вдоль Терека, там стали селиться группы беглых горских крестьян и рабов, что нередко вызывало серьезные дипломатические осложнения. Один из первых известных инцидентов, вызванных проблемой пленных, был связан с защитой русскими местных беглецов. В 1774 году ботаник Самюэль-Готтлиб Гмелин в ходе исследовательской экспедиции в район Каспия был захвачен в Дагестане правителем (уцмием) Кайтага, Амиром Хамзой. За несколько лет до этого около двухсот семейств подданных Амира Хамзы бежали под покровительство России, и теперь он требовал их возвращения или же выплаты 30 000 рублей в обмен на освобождение Гмелина³³. Начиная с 1740-х гг. кабардинские князья и вожди неоднократно жаловались российскому правительству на побег своих рабов в русские поселения. Основание в 1763 году русской крепости Моздок вблизи кабардинского селения еще более усугубило положение, поскольку сотни кабардинцев бежали под защиту русских. В 1764 году в Петербург была послана кабардинская делегация с требованием уничтожить крепость, выплатить компенсацию за беглецов-христиан и впредь возвращать любых беглых подданных Кабарды; эти требо-

³⁰ Виноградов В.Б., Магомедова Т.С. Где стояли сунжинские городки? // Вопросы истории. 1972. № 7. - С.204; Потто В.А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Т.1. Тифлис, 1906. - С.55-57.

³¹ Кабузан В.М. Народы России. - С.227; Сборник статистических сведений о Кавказе / Под ред. Н.И.Воронова. Тифлис, 1869. - С.20-21.

³² Alan W. Fisher, «Emigration of Muslims from the Russian Empire in the Years after the Crimean War», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 35 (1987). P. 365-371.

³³ АКАК. Т.1. Тифлис, 1866. - С.87. Гмелин умер в плену.

вания, конечно же, были отклонены. К тому моменту в Моздоке проживало более двухсот крещеных кабардинцев. В 1767 году около 10 000 местных крестьян бежали на укрепленную территорию между реками Терек и Малка и соорудили мост-через Терек для побега. Несмотря на обещание защиты со стороны русского коменданта крепости Кизляр, крестьяне договорились со своими князьями о снижении налогов и повинностей и о праве на уход к другим хозяевам, после чего многие из них вернулись. В 1771 году, после еще одной петиции из Кабарды, Екатерина II согласилась вернуть беглых кабардинских рабов, а за каждого перешедшего в христианство уплатить 50 рублей выкупа³⁴. Это решение было принято по той причине, что Россия тогда не хотела осложнять отношения с Османской империей (считавшей Кабарду своей вассальной территорией), а также потому, что многих крестившихся кабардинцев, по мнению русских, в действительности христианство не интересовало.

Россия также решила обратить пристальное внимание на осетин, считавшихся «заблудшими христианами» и ставших объектом особой миссионерской активности. Переселение осетин с гор в долины началось с основания Моздока (1763 год) и Владикавказа (1784 год). Фактически Моздок первоначально предназначался для того, чтобы служить укрепленным поселением Осетинская, куда будут приглашаться для переселения осетины, грузины, армяне и другие «христианских народов люди» и где они получают право свободно сооружать храмы и исповедовать свою веру, а проживание мусульман будет запрещено. Вместо Осетинской был построен Моздок, но намерение сделать его центром притяжения для переселения осетин сохранилось. Масштабы переселения осетин возросли в 1820-х гг., когда Ермолов начал вытеснять кабардинцев из района Военно-Грузинской дороги и расселять там осетин; к 1840-м гг. около 21 000 осетин проживало на Владикавказской равнине³⁵. Многие из них поступили на казачью службу, особенно в Моздокское Казачье братство и в Горский Казачий полк.

В XVIII и XIX вв. российское правительство приложило большие усилия для привлечения на Северный Кавказ армян. Первое значительное земельное владение было пожаловано в 1710 году карабахскому армянину Сафару Васильеву в районе Кизляра для посадки тутовых садов (для разведения шелковичных червей). В XVIII в.

³⁴ АКАК. Т.1. - С.81-85; Пиотровский Б.Б. История народов Северного Кавказа. - С.395; Кумыков Т.Х. Кушева. Кабардино-русские отношения. Т.2. - С.269-273; Бутков П.Г. Материалы... Т.1. - С.317-319.

³⁵ Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.). Орджоникидзе, 1980. - С.56-59; Калоев В.А. Осетины. 2-е изд. М., 1971. - С.65.

большое количество армян из Турции и Персии переселились в бассейн Терека; другие бежали туда с гор, из крымского или ногайского плена. В этот период Кизляр и Моздок были населены преимущественно армянами: в 1796 году в Кизляре проживало 2 800 армян и только 1 000 русских. В 1789 году 55,6% населения Моздока составляли армяне и грузины. Еще около 3 500 армян из ханств Дагестана и Прикаспия расселились в 1797 году вдоль Кавказской военной линии. Армяне занимались производством шелка и виноградарством, а также создавали основу всей региональной торговли на Северном Кавказе. Другая большая группа армян в 1839 году пришла из-за реки Кубань, чтобы расселиться вдоль западной части казачьей линии в районе Армавира, жители которого (даже в 1859 году) говорили на черкесском диалекте и внешне напоминали горцев³⁶. Сложность ситуации на этнической границе ярко иллюстрирует пример армавирских армян, которые были армянами по самосознанию, христианами по вере и подданными Российской Империи, жившими в казачьей среде, говорившими, одевавшимися и питавшимися по-черкесски, соблюдавшими черкесские обычаи.

Первыми, наиболее многочисленными и наиболее широко расселившимися русскими жителями на Северном Кавказе были казаки. Следовало бы взять в кавычки и слово «казаки», поскольку казачество на Северном Кавказе трудно свести к единой этнической общности или просто к сословному обозначению. Единственной общей их чертой было то, что к XVIII веку Российское государство рассматривало казаков Северного Кавказа как своих слуг, обязанных исполнять военную, курьерскую, строительную или другую службу. Это, конечно же, не означает, что все казаки так и поступали – многие восставали против тех или иных повинностей, создавали разбойничьи банды или дезертировали в горы. Насколько являлся казакom Яков Алпатов из станицы Наурской, дважды убежавший в горы, принявший ислам и сколотивший из чеченцев и казаков воровскую шайку, которая грабила села, похищала скот и захватывала пленников не только у казаков, но и у калмыков и ногайцев далеко в степи³⁷?

Первые казачьи общины, возникшие вдоль Терека в XVI и XVII вв., представляли собой пеструю смесь различных беглых людей:

³⁶ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века: Сборник документов. Ереван, 1964. - С.37-41; Пиотровский Б.Б. История народов Северного Кавказа. - С.374, 463; Волкова Н.Г. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века // Историко-филологический журнал. 1966. № 3. - С.260; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX в. М., 1974. - С.200-201.

³⁷ Самарин Н. Дорожные заметки // Северная Пчела. 1862. № 133. - С.550-551; Твалчредидзе А. Ставропольская губерния... - С.277.

кочующих или беглых казаков; старообрядцев и сектантов; рабов, захваченных русскими, и представителей коренных народностей Кавказа, бежавших из рабства, от наказания или кровной мести. К тому моменту, когда терские казаки были формально приняты на русскую службу в 1721 году, они уже проживали в данном регионе на протяжении двухсот лет в качестве вольных поселенцев, пиратов и разбойников. Путь Волга – Каспий – Терек был хорошо освоен в обоих направлениях: как дорога переселения на Кавказ; как маршрут грабежа, рыболовного промысла и торговли; как, наконец, исходный пункт повстанческих движений, распространявшихся на основную территорию страны. Селения возникали и исчезали; их обитатели погибали, попадали в плен или уходили в другие поселения. Терские казаки устремлялись на север для участия в главных казачьих восстаниях XVII и XVIII вв.; после этих восстаний беженцы откатывались назад, к далеким побережьям и густым лесам. Возможно, наиболее известным бунтовщиком этого периода был «царевич Петр» (Петрушка), который с Терека поднялся на парусах на север, чтобы соединиться с Болотниковым, и стал заниматься грабежом, курсируя вверх и вниз по Волге. Стенька Разин начинал свою «преступную карьеру» как пират на Каспии (и на Нижней Волге) и использовал в качестве одной из своих баз остров Чечень, находившийся недалеко от берега у места впадения Терека в Каспийское море. Другие казаки продолжали разбой на Каспийском море и в XVIII веке: в 1737 году персидский консул в Санкт-Петербурге жаловался на русских пиратов на Каспии, владевших в общей сложности примерно 70 кораблями и базировавшихся на острове недалеко от Баку. Пугачев также действовал в районе Терека; будучи приписанным к Терскому Семейному войску в 1772 году, он выступал против несправедливой оплаты казачьей службы, был арестован в Моздоке и бежал³⁸.

Но Кавказ был не просто южной окраиной огромного казачьего моря, в которое вливались бурные потоки лихих пришельцев с севера. Он также был местом, где казаки оседали, женились на представительницах коренных народов, воевали против или вместе с горцами или степняками, смешивались с местными этническими общ-

ностями. Беглое описание различных народов западного побережья Каспийского моря, составленное капитаном Иоганном-Густавом Гербером в 1728 году, при всей его точности и бюрократической прямолинейности показывает, насколько трудно различимой оставалась грань между казаками и не-казаками. Существовали гребенские казаки, потомки первоначальных беглых крестьян, и казаки, жившие грабежом («воровством») и обитавшие в горах Северного Кавказа. Автор сообщает, что ранее они страдали от набегов своих соседей «татар», похищавших у них жен и детей (дети, скорее всего, и происходили от смешанных браков между казаками и «татарами»), но теперь жили с соседями дружно. Терские казаки, составлявшие гарнизон Терской крепости, представляли собой сочетание донских казаков и терских татар, обращенных в христианство. Терские татары исповедовали ислам, говорили на «ногайском» языке, жили в шатрах («как ногайцы»), занимались не только скотоводством, но и рыболовством, а соленую и сушеную рыбу продавали «татарам», жившим в горах. Согласно другим источникам, «терскими татарами» назывались казаки и коренные жители, рыбачившие в районе устья Терека; они были также известны в XVIII веке как «терские ногайцы». Ставропольские татары говорили по-русски, являлись христианами и казаками. Селение дагестанцев и кумыков Андрей (Эндери) было основано «беглыми российскими людьми и казаками, которые здесь воровством питались» и «такими татарами, которые такие промыслы употребляли»³⁹.

Неоднородность этнического состава казачьих групп на Северном Кавказе значительно возрастала по мере того, как в XVIII и XIX вв. усиливался интерес России к данному региону. С сооружением каждой новой крепости из внутренних областей переселялись группы донских, волжских, хоперских и яицких казаков. Казачьи полки постоянно пополнялись представителями нерусского населения, включая грузин, армян и представителей других народов Северного Кавказа. Чеченцы, кабардинцы, осетины и другие горцы либо вступали в уже существовавшие казачьи части, либо формировали свои собственные, как, например, Горско-Моздокский полк, Горский Казачий полк или Семейный Кизлярский полк. Большинство мусульман при этом принимало православную веру, однако в Горско-Моздокском полку служили и мусульмане. Еще в 1858 г. 10% казаков Кавказской военной линии исповедовали ислам. Государственные крестьяне-переселенцы, беглые крепостные и отставные солда-

³⁸ Козлов С.А. Пополнение вольных казачьих сообществ на Северном Кавказе в XVI-XVII вв. // Советская этнография. 1990. № 5. - С.47-56; Виноградов В.Б., Магомедов Т.С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Советская этнография. 1972. № 3. - С.31-41; Восстание И.Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. - С.84, 109-110; Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. Т.1. М., 1954. - С.120, 140-141; Бутков П.Г. Материалы... Т.1. - С.168; Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: Восстание Пугачева/ Под ред. В.В.Мавродина. Т.2. Л., 1966. - С.76-77.

³⁹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана. - С.60-63, 69. Гербер был членом комиссии, посланной в Дагестан для установления российско-турецкой границы в регионе.

ты также в большом количестве поступали на казачью службу. В 1832-1833 гг. более 30 поселений государственных крестьян были просто переименованы в казачьи станицы. Когда Запорожская Сечь была восстановлена в виде черноморского казачества и последнему в 1792 г. были пожалованы земли вдоль реки Кубань, тысячи незапорожцев, участвовавших вместе с казаками в русско-турецкой войне, также переселились на эти земли. По оценке одного историка, только 30% первоначального черноморского казачества являлись настоящими запорожцами. Среди остальных казаков 40% были добровольцами, примкнувшими к запорожцам во время войны, а 30% составляли поляки, русские, молдаване и представители других этносов, переселившиеся на новую границу вместе с казаками⁴⁰. В течение последующих 60 лет более 80 000 казаков и крестьян были переведены на эти земли с Украины, и к ним присоединились тысячи не-казаков из казачьих областей (иногородних), нелегально сопровождавших переселяющихся колонистов.

Постоянно существовал также приток на Северный Кавказ беглых крестьян из России и с Украины. Они присоединялись к поселениям государственных крестьян или казаков либо основывали собственные селения, которые могли иногда существовать десятилетиями, не будучи замеченными властями. Как гласят народные предания, многие селения на Северном Кавказе первоначально возникли в качестве тайных убежищ отрядов беглых крепостных. Например, село Петровское на реке Калаус было предположительно основано беглым крепостным Петром Бурлаком, поселившимся в 1750-х гг. в густом лесу и занявшимся таким же разбойным промыслом, как и обитатели близлежащих «татарских» селений. Позднее к Бурдаку присоединились другие беглые крепостные, многие вместе со своими семьями, и глубоко в лесах возникло русское селение. Бурлацкое ущелье на правом берегу реки Буйвол служило прибежищем для беглых крестьян, которые, возможно, селились там, дабы избежать рекрутских наборов и гнета своих помещиков, и вели вольную жизнь разбойников и грабителей⁴¹.

Побеги крестьян на Северный Кавказ участились в 1820-х гг., когда государственное переселение казаков и государственных крестьян дало пищу слухам о существовавшей на юге свободе от податей и повинностей. В мае 1826 г. Николай I сделал специальное заявление, что слухи о свободе для крестьян и крепостных на Кавказе ложны, и

все, кто туда бежал, будут наказаны по всей строгости законов. Однако это заявление не достигло своей цели, поскольку на протяжении трех последующих десятилетий тысячи крестьян продолжали стекаться на Северный Кавказ. Необходимость заселения региона и развития в нем сельского хозяйства часто заставляла местные власти закрывать глаза на подлинный социальный статус вновь прибывших. Зачастую переселенцев соблазняли не просто слухи: в 1832 г. саратовский губернатор сообщал, что во вверенной ему губернии и на Земле Войска Донского появляются беглые, дабы привлечь новых переселенцев на Кавказ; аналогичные сообщения поступали из Воронежа и Екатеринослава. Иногда с Кавказа возвращались и целые вооруженные отряды с требованием выдачи своих семей и собственности. Черноморские казаки также посылали вербовщиков для привлечения беглых на свои земли, где ощущалась острая нехватка рабочей силы⁴².

В 1837 г. крестьяне особенно часто бежали в район крепости Анапа, где было объявлено, что беглецам будет предоставлено убежище, они будут включены в ряды казачества и, согласно одному из вариантов, получают специальные документы, позволяющие им вернуться к местам прежнего проживания и освободить свои семьи. Туда направились тысячи людей, причем у некоторых крестьян имелись фальшивые паспорта, и прибывали они совершенно открыто, на тройках. Были сообщения о бандах беглых в окрестностях Темрюка, ведших жизнь гайдамаков, занимавшихся рыболовством и разбоем и всегда ходивших, подобно запорожским казакам, с мушкетами, пистолетами и пиками. Возможно, некоторых крестьян соблазняла мечта о существовавшей когда-то вольной воле; но более важным обстоятельством, несомненно, был прием, оказывавшийся беглецам казаками, которые сразу включали в свои ряды вновь прибывших либо укрывали их на своих хуторах или в рыбачьих артелях, где их высоко ценили из-за нехватки рабочей силы⁴³.

⁴² Нарочницкий Н.Л. История народов Северного Кавказа... - С.59; Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг.: Сборник документов/ Под ред. А.В.Предтеченского. М., 1961. - С.223-225; Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Т.3. Кн.2. Спб., 1861. - С.292; Щербина Ф. Беглые крепостные в Черноморье // Киевская старина. 1883. №16. - С.239, 244.

⁴³ Предтеченский А.В. Крестьянское движение... - С.331-332, 672; Щербина Ф. Беглые и крепостные... - С.240-245. Военный министр был настолько обеспокоен передвижением на юг, что предложил создать кордон на протяжении от Астрахани и Саратова до Екатеринослава для предотвращения бегства крепостных на Кавказ.

⁴⁰ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. Спб., 1860. Приложение. - С. IV; Дон и степное Предкавказье... - С.54-55; Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974. - С.184-216; Бентковский. Заселение Черноморья... - С.19-20.

⁴¹ Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния. - С.269, 399.

Наиболее существенной чертой северокавказского общества, помимо относительной свободы поселения, была дороговизна труда. Крайне редко встречался тот тип поселения, который преобладал на основной территории России, – крепостная помещичья деревня. В 1857 г. крепостные составляли менее 3% населения Северного Кавказа (Ставрополья и области Терека и Кубани); после малонаселенных Архангельского края и Сибири это была часть империи с наименьшим процентом крепостного населения⁴⁴.

Нехватка рабочей силы придавала специфический характер общественной жизни казаков и государственных крестьян, которым приходилось нанимать большое количество людей для обработки своих полей и садов. В 1850-е гг. в летние месяцы казаки Кавказской военной линии нанимали до 4 000 сельскохозяйственных работников; черноморские же казаки нанимали почти 15 000 человек. Государственные крестьяне также нанимали ежегодно тысячи людей, преимущественно для работы на своих хуторах. Некоторые из сезонных работников были крестьянами из внутренних областей России, другие принадлежали к коренному населению. В середине XIX века от 20 до 25 тысяч сезонных наемных работников с гор проживали в Кизляре с весны по осень; их было настолько много, что в 1842 г. было создано даже специальное учреждение для «попечительства над приходящими в город мирными горцами». На протяжении 1850-х гг. около 15 000 ногайцев работало на помещиков и казаков в Кизлярском уезде⁴⁵. Количество туземцев в городах и казачьих станицах еще более возросло во время проведения ярмарок и по базарным дням.

Именно небольшие северокавказские города служили основными местами этнического взаимодействия. Коренное население со всех сторон устремлялось к городам в целях торговли или в поисках сезонной работы, а многие проживали в них постоянно, благодаря чему эти центры региональной торговли приобретали живой, пестрый и этнически разнообразный облик. Но не все русские города Северного Кавказа были в равной степени многоликими. Такие старые города-крепости, как Кизляр и Моздок, являлись центрами местной торговли, этнического разнообразия и русско-туземного обмена и взаимовлияния. Екатеринодар, столица черноморского казачества, оставался населенным почти исключительно казаками,

но по базарным дням и во время ярмарок тысячи людей из-за реки Кубань наводняли город. Говоря о черкесах, виденных им в Екатеринодаре, который он посетил в 1847 г., Моритц Вагнер писал: «Странно видеть этих людей, которые несколькими днями ранее совершали набеги, возможно, грабили и убивали, ныне мирно бродящими среди групп казаков»⁴⁶. Ставрополь, наиболее быстро развивавшийся в XIX в. город Северного Кавказа, являлся административным центром и был преимущественно населен казаками и государственными крестьянами. В середине XIX века Владикавказ оставался военным городом с осетинскими поселениями по окраинам.

Рядом с городами и казачьими станицами Кавказской военной линии располагались селения так называемых «мирных» горских народностей. Они формально перешли на сторону Российской Империи и прекратили практику набегов на русскую границу. Однако, в зависимости от меняющейся военной ситуации, «мирные» горцы могли быстро переменить ориентацию и присоединиться к нападающим с гор. Между крепостями, казачьими станицами и этими туземными поселениями существовали длительные связи и взаимодействия, однако сохранялось определенное недоверие, подозрительность и осторожность с обеих сторон. Потто называл «мирных чеченцев», живших между реками Сунжа и Терек, «самыми злыми и опасными» из всего окрестного населения: «Мирные аулы служили притонами для разбойников всех кавказских племен; в них укрывались партии перед тем, чтобы сделать набег на линию; здесь находили радушный прием все преступники, и нигде не было так много беглых русских солдат, как именно в этих надтеречных аулах». Вагнер описывает положение черкесских племен на левом берегу Кубани с большей долей симпатии, признавая сложность ситуации, в которой оказались эти люди: «Зажатые между русскими и их противниками, они изо всех сил стараются сохранять нейтралитет, заверяют обе стороны в своем дружественном отношении, сражаются один день на стороне русских, другой – на стороне своих соотечественников и служат в качестве разведчиков и шпионов и тем, и другим»⁴⁷. Этот ненадежный слой населения являлся, возможно, для Российского государства источником основных трудностей на Северном Кавказе. Военачальники пытались упростить ситуацию, предпринимая карательные акции без разбора.

Другой ненадежный слой составляли беглые и дезертиры – как русские, так и представители других национальностей. Возможно,

⁴⁴ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. М., 1971. - С.167-170.

⁴⁵ Фадеев А.Ф. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. - С.168-169, 188-191; Нарочницкий Н.Л. История народов Северного Кавказа... - С.76.

⁴⁶ Moritz Wagner, Travels in Persia, Georgia, and Koordistan (London: Hux and Blackett, 1856), vol. 1. P. 127.

⁴⁷ Потто В.А. Кавказская война... Т.2. Ч.1. - С.86-87; Wagner, Travels in Persia, vol. 1. P. 129.

они никогда не были особенно многочисленны, но само то обстоятельство, что этническая граница постоянно была столь текучей, вызывало серьезную озабоченность у местных властей по поводу дояльности тех, кто сражался с горцами. В XVIII в. местные военачальники с подозрением относились к терским казакам по причине их культурной и этнической близости к горским народам. После основания в 1722 г. крепости Святой Крест армейское командование планировало перевод в нее гребенских казаков (первыми заселивших область Терека). Однако из-за опасений по поводу их бегства за Кубань гребенских казаков в конце концов оставили на месте. В 1770-е гг. возникли подозрения, что гребенцы вступили в тайный сговор с казаками-некрасовцами, которые после восстания Булавины стали беженцами, проживали на нижней Кубани, совершали оттуда набеги на русские поселения совместно с кабардинцами и участвовали в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. на стороне турок. В 1774 г. генерал Де Медем распорядился принимать гребенских казаков на службу с большой осторожностью⁴⁸. На протяжении всего XVIII в. в беспокойные периоды командование крепости время от времени запрещало общение обитателей крепости с жившими за их пределами местными жителями, опасаясь заговоров.

Дезертирство являлось предметом постоянной тревоги для России в период наиболее интенсивных военных действий на Северном Кавказе после 1817 г. Периодически от различных селений требовали возвращения российских дезертиров, а в 1842 г. Николай I приказал местным командирам предлагать горцам соль в качестве платы за их выдачу. В 1845 г. граф Воронцов выпустил прокламацию, обращенную к русским дезертирам, в которой обещал полное прощение тем, кто добровольно вернется в строй: «Главное командующий надеется, что беглые солдаты поспешат воспользоваться монаршим прощением и милостью и не захотят оставаться дольше в нищете и среди иноверцев»⁴⁹.

Однако многие предпочли остаться, и, согласно сообщениям очевидцев, их существование было не столь уж плачевным. Захваченный в плен казак свидетельствовал, что в принадлежащем Шамилю селении Ведено находилось около 300 русских дезертиров, которые обслуживали артиллерию, женились на чеченках, одевались по-черкесски и жили достаточно хорошо. Капитан А.И. Руновский сообщал, что многие русские дезертиры приняли ислам, женились на горянках и вели счастливую семейную жизнь. По его словам, многие из местных женщин покидали дома своих

родителей, дабы выйти замуж за русских дезертиров, поскольку последние обращались с женщинами значительно лучше, чем горцы; дезертиры были также предметом особой заботы Шамиля, принимавшего строгие меры по защите их от мелких притеснений со стороны новых соседей. По некоторым сообщениям, от 400 до 600 русских солдат проживало с Шамилем в Дарго. Ходили слухи, что он жил в доме, построенном беглецами в европейском стиле, что у него был четырехтысячный корпус гвардии, состоявший из представителей всех национальностей и созданный на основе отряда, в составе которого были польские и русские дезертиры, и что предшественника Шамиля Хамзу Бека постоянно сопровождали русские телохранители. Рассказывали даже, что писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский, чье тело так и не было обнаружено после гибели в бою в 1837 г., остался жив и сражался на стороне Шамиля⁵⁰. В данном случае важна не столько правдивость подобных слухов, сколько их устойчивая распространенность. Сама возможность их существования свидетельствует о крайней неопределенности данной этнической границы. В результате межнациональных браков, взаимодействия и взаимовлияния, обращения в другую веру, аккультурации и дезертирства на Кавказе подчас трудно было разобраться, кто есть кто. Как заметил Пушкин после встречи на пути из района Казбека в Тифлис с персидским придворным поэтом, оказавшимся в конце концов не напыщенным восточным человеком, а вполне «европейским джентльменом», на Кавказе не стоит «судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям»⁵¹.

⁵⁰ АКАК. Т.12. - С.1398; Движение... - С.471, 498; Baddeley, The Russian Conquest. P. 397; Friedrich Wagner, Schamyl and Circassia, transl. Kenneth R. H. Mackenzie (London: G. Routledge and Co., 1854). P. 88; Baron August von Naxthausen, The Tribes of the Caucasus, transl. J.E. Taylor (London: Chapman and Hall, 1855). P. 98. Ходили также слухи, что сам Шамиль был в действительности Бестужевым-Марлинским, что он присоединился к банде разбойников-горцев, сбежал в Персию или жил в горах с пятью женами. См. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Т.1. Спб., 1879. - С.329; Lauren G Leighton, Alexander Bestuzhev-Marlinsky (New York: Twayne Publishers, 1975). P. 35.

⁵¹ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Полн. собр. соч. М., 1949. - С.851. Поразительным фактом, свидетельствующим о дальнейшей «туземизации» русских сил, является то, что Ермолов, самый деспотичный и наиболее шовинистически настроенный русский «герой» Кавказа, был «женат» на трех мусульманках. См. Берже А.П. Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе 1816-1827 гг. // Русская старина. 1884. № 15. - С.523-528.

⁴⁸ Бутков Л.Г. Материалы... Т.1. - С.79; АКАК. Т.1. - С.84, 87-88.

⁴⁹ Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов. Махачкала, 1959. - С.356-357, 486.

Россия пыталась преодолеть состояние неопределенности на северокавказской границе различными путями. Чисто военные решения, подобные ермоловской практике тотального уничтожения горских селений после набегов на русскую линию, уже довольно хорошо изучены историками. Специальные летучие дивизии генерала Ермолова, подкрепленные артиллерией, в Кабарде, например, передвигались от селения к селению, требуя от горцев покорности, прекращения набегов и переселения. Произвольно-выборочное уничтожение селений, поджог садов, угон скота, вырубка лесов и насильственное переселение народов представляются отчаянными попытками преодолеть неопределенность, укрепить грань между понятиями «мы» и «они». И в значительной степени это сработало, поскольку можно считать, что именно система Ермолова повинна в нарастании ожесточенности военных действий на Северном Кавказе и в успехе Шамиля при создании альянса различных горских народов для отражения натиска русских. Но существовали и другие способы установления союзнических отношений и прояснения идентичности, как, например, оригинальные этнографические методы, применявшиеся в отношении к калейдоскопическому разнообразию кавказских народов, или использование рассказов о кавказском плене и мифов о героизме. Например, захват пленных и получение за них выкупа были обычной для обеих сторон практикой на протяжении столетий, но в XIX веке такие инциденты стали обретать статус сенсации – о них широко писали, обосновывая необходимость наступления на горские племена; в сознании общества создавались стереотипные образы кавказской жестокости, террора и пыток, а в то же время захват пленными русскими изображался как «цивилизующее» мероприятие.

Героические мифы также существовали в изобилии. Я завершу статью одним из них, показывающим, насколько такие темы важны для укрепления границ. Один из наиболее ранних героических мифов русского «фронт» на Северном Кавказе касается битвы у казачьей станицы Наурской 11 июня 1774 г. Согласно сообщению генерала Де Медема, около 10 000 кабардинцев атаковали станицу, недавно основанную волжскими казаками-переселенцами. Набег отражали 800 станичников, включая женщин, сражавшихся косами и ливших кипяток на головы нападавших. Важнее всего то обстоятельство, что набег произошел в контексте общей смуты и нарушения союзнических обязательств. Среди мертвых кабардинцев было обнаружено тело Коргока Татарханова, получившего тремя годами ранее в Санкт-Петербурге офицерский патент, чин капитана и годо-

вой оклад в 150 рублей. За несколько дней до набега в округе побывали некрасовцы, призывавшие соседних гребенских казаков нарушить верность России. Пугачев также был в станице Наурской двумя годами ранее и вел среди вновь прибывших агитацию по поводу несправедливости оплаты; он был даже уполномочен от имени населения Наурской и двух других станиц отправиться в Петербург, дабы опротестовать условия казачьей службы⁵².

Героическая оборона станицы со временем, в условиях весьма неустойчивых союзнических отношений, стала историей о глубоко «русской» сущности казачества. Н.Ф. Самарин посетил станицу Наурскую в 1862 г., и к тому времени вышеупомянутое повествование полностью трансформировалось: численность кабардинцев возросла (до 14000 человек), а численность казаков уменьшилась (до 200 человек). Якобы в сражении принимали участие и дети, метавшие камни со стен крепости; женщины орудовали не только косами, но и серпами: одна героиня отсекла головы трем кабардинцам. На врагов лили не только кипяток, но и распространеннейшее русское кушанье – горячие капустные щи. Согласно Самарину, осада происходила 11 июня, в день апостолов Варфоломея и Варнавы, поэтому казаки воздвигли церковь в их честь; возникла легенда, что апостолы, верхом на белых конях и облаченные в белые одежды, внезапно появились посреди неприятельского стана, и враги в ужасе отступили. 11 июня стало праздником в станице Наурской: казаки всего полка собирались для парада, «военных забав» и гулянья. Эта битва также вошла в местную идиоматику. Когда казаки из Наурской встречали кабардинца, они часто спрашивали: «А что, дос (приятель), не щи ли в Науре хлебал?» Этот намек явно имел глубокое значение и для кабардинцев, поскольку из-за подобных насмешек часто возникали кровавые стычки⁵³. Таким образом, битва при станице Наурской не только стала казачьей легендой, но и вошла в повседневную жизнь наурских казаков. Хотя и невозможно определить, кто сыграл более важную роль в создании мифа, сами казаки или те, кто о них писал, очевидно, что русификация данного сюжета упростила событие, имевшее неоднозначный характер, и послужила на пользу Российскому государству.

Российский «фронт» еще предстоит изучать во всем его этническом разнообразии – его демографическую подвижность, неус-

⁵² АКАК. Т.1. – С.88; Крестьянская война... - С.76.

⁵³ Самарин Н.Ф. Дорожные заметки... - С.550; Потто В.А. Кавказская война... Т.1. - С.75-79; Потто В.А. Памятники... Т.1. - С.19-20.

тойчивые союзы, культурные и экономические отношения и окружающую среду, с которой поселенцы были связаны так же прочно, как и коренные жители. Он не был «фронтиром», совершенно лишенным границ, поскольку, конечно же, существовали многочисленные и многообразные границы, созданные политиками, войной, насилием и самой географией; точно также существовали границы и в повседневной жизни, например, насмешки на национальной почве. Однако в конечном счете ситуация была значительно сложнее, чем просто сражение черных и белых фигур на шахматной доске.

Пер. И. Пагавы